

Тун Хуайцин запрокинул голову, снизу вверх посмотрел на него и тихо ахнул.

Чи Е не сводил с него глаз.

Обычно павловния цветет весной, но в этом году дождей выпало много, а дни стояли погожие, так что даже осенью с ветвей всё еще свисали нежно-лиловые гроздья, шуршащие от малейшего дуновения ветра.

Они стояли совсем рядом. Снизу вверх разглядывая его лицо, Тун Хуайцин подумал, что Чи Е выглядит до того серьезным, аж жуть берет. Неужто и впрямь собрался приударить? Решительный какой. А ведь раньше он казался чурбаном чурбаном — здоровый, неотёсанный. Даже представить не получалось, как такой увалень будет смущаться и ухаживать.

От этой мысли губы сами потянулись в улыбке. Странно, а ведь рядом с Чи Е он и правда стал улыбаться куда чаще, чем раньше.

— Ну давай, — усмехнулся он. — Попробуй.

Чи Е продолжал молча разглядывать его. Тун Хуайцин чуть наклонил голову:

— Чего застыл? Мне тебя еще и подбадривать нужно?

Настал вечерний час. Соседи один за другим выходили из домов прогуляться в вечерней прохладе. Цикады, пережившие летний зной, всё еще неутомимо стрекотали со всех сторон. Из глубины переулка донесся далекий окрик Чи Ино: девчужка интересовалась, почему взрослые так плетутся и до сих пор не пришли.

Чи Е наконец отвел взгляд, напряжение в его теле растаяло, и он с легкой улыбкой отозвался сестре.

Дома они зажгли теплый жёлтый свет. На улице посвежело, так что Чи Е по-быстрому сварил яйца-пашот в тростниковом сахаре — и готовится мгновенно, и желудку приятно. На столе быстро выросла целая россыпь ярких закусок: соевый соус с бобами от бабушки Линь, хрустящие огурчики прямо с грядки, тонко нарезанная пряная свинина, аккуратные ломтики копченой колбасы, тарелочка жареного арахиса, помидоры с сахаром и пышущие жаром паровые маньтоу из злаковой муки. Стол выстроился пестрый и по-домашнему уютный.

Тун Хуайцин с любопытством наблюдал со стороны:

— Это же вроде девчонки пьют, когда у них эти дни?

Чи Е хмыкнул:

— Да и в обычные дни вполне можно.

Быстро, вкусно и без хлопот. Ловким движением он сначала выловил округлое, глянцевое яйцо, а затем разлил по пиалам сладкую, подкрашенную яичными хлопьями воду. Тун Хуайцин, покрутившись рядом, вдруг ляпнул:

— Тебе бы... в сиделки после родов идти. Идеально справишься.

Что за глупости?

Чи Е обернулся к Тун Хуайцину. Тот пытался помочь, но горячие пиалы брать категорически отказывался, поэтому подхватил кончиками пальцев тарелку с холодной закуской и пошел к выходу. Верхнюю одежду он уже снял, оставшись в тонкой светлой рубашке, которая свободно сидела на его хрупкой фигуре. Сзади открывался вид на белейшую кожу шеи, благородную осанку и изящно изогнутую линию талии, чуть ниже которой, на самом узком перехвате, угадывался едва заметный бугорок под тканью. Совсем тонкая выпуклость — скорее всего, цепочка из мелкого нефрита с монетами Вуди, закрывающая алое родимое пятно.

Чи Е резко отвел взгляд. Зашедший на кухню Чэнь Сяньян окликнул его, но брат даже не обернулся. Зажав в руке помидор, он тяжело дышал, пытаясь успокоить разогнавшийся пульс. Мальчик ни о чем не догадался и решил, что тот обжегся раскаленным маслом, пока готовил. Он встревоженно подскочил и задрал рукав брата:

— Гэ, ты что, рану задел?

— Нет, — Чи Е тяжело перевел дух. — Просто задумался.

Повязка слегка потемнела от лекарств, но краснота вокруг спала. Чэнь Сяньян осторожно коснулся бинта и успокоился: и то правда, сегодня ничего не жарили, обжечься старший не мог.

— Ну и ладно, — улыбнулся мальчишка и хитро подмигнул: — Гэ...

Чи Е развернулся и ощутимо цапнул его за щеку:

— Знаю я, что ты скажешь. Поедим — и разберемся.

С этими словами он вышел с кухни, оставив Чэнь Сяньяна тереть отпечатки пальцев на щеке. Ну что за нечеловеческая сила у старшего брата! И ведь сам даже не замечает, до чего больно. Досада да и только!

Ужин пролетел быстрее обычного. Тун Хуайцин решил, что все просто проголодались, и

продолжал с чувством не спеша смаковать сладкие дольки помидоров. Тем временем Чи Ино проглотила последний кусок яйца, сбегала со вторым братом на кухню вымыть посуду, вернулась и послушно прижалась спиной к стене.

Чи Е скрестил руки на груди и строгим взглядом смерил обоих.

— Гэ, я виноват, — выдохнул Чэнь Сянъян.

— Мы больше никогда-никогда так не будем! — подхватила Чи Ино.

Тун Хуайцин с интересом жевал кисло-сладкий томат. Чи Е с хмурым видом молча смотрел на Чэнь Сянъяна. Мальчишка смущенно почесал затылок, немного помешкал, а затем подтянул штанину, обнажив подбитую сине-фиолетовую коленку. Кожа была сбита, и сквозь ссадину проступала капелька крови.

Чи Е обо всем догадался еще в момент, когда Учитель Янь закрывала мальчика собой, да и то, как тот поморщился, переступая порог дома, не укрылось от его глаз. Спрашивать во время ужина он не стал — ждал, пока ребенок сам сознается.

— Да я думал, ничего страшного, — уткнулся в пол Чэнь Сянъян. — Обычный ушиб...

Чи Ино уже метнулась к аптечке за йодом. Чи Е не ронял ни слова. Он давно вбивал им в голову: помогать другим — дело благое, и пока у них есть старший брат, им не запрещено «встревать не в свое дело». Но только если это по силам и не угрожает собственной жизни. Что они, едва от горшка два вершка, могут сделать в открытой стычке? Увидел, что к учительнице пристаёт хулиган, — беги за охранником или зови прохожих! Зачем самому бросаться напролом? Одно движение взрослого мужика — и ты уже летишь тормашками на землю.

Чи Е дождался, пока сестренка смажет ссадину, после чего молча достал из-за двери тонкую деревянную линейку и слегка шлепнул Чэнь Сянъяна по ладони. Тот сжал плечи. Чи Ино мгновенно спрятала руки за спину и замахала головой:

— Гэ, я только смотрела! Я вообще тут ни при чём... А-а-а!

Хотя Чи Е замахнулся чисто символически и больше для порядка, чем ради боли, на детских ладошках всё же остались розовые полосы. Наведя дисциплину, старший молча ушел на кухню.

В гостиной осталась троица. Дети с ошарашенным видом переглядывались. Тун Хуайцин поднялся с места, намереваясь заступиться за ребят — экая дикость, розги в наше-то время! Однако не успел он и рта открыть, как Чэнь Сянъян тихо прошептал:

— Всё нормально, брат Тунтун.

Увлекая сестру за собой на диван, он добавил:

— Мы и правда сами виноваты.

Безопасность — вот та грань, за которую Чи Е никогда не позволял заступать. Повалиться в постели, забить на уроки, пошалить — к этому старший относился с легкой улыбкой. Дети его уважали, но ничуть не боялись: разбил тарелку — не беда, подмети осколки и делай дела дальше. Но если вздумаешь играть с этими самыми осколками — держись, оттрапезнуешь ремнем по полной. Чи Е мог не смыкать глаз ночами, выхаживая заболевшего малыша, и за всю жизнь они не слышали от него ни единого упрека. Они росли, баловались, катались у него на шее, капризничали во время болезни, зная, что брат снесет всё. Но безопасность — это святое.

Тун Хуайцин всё еще недоумевал, а Чэнь Сяньян со взрослым видом вздохнул:

— Если честно, я с умыслом лез.

— Гэ, а что такое умысел? — спросила Чи Ино.

— Учитель Янь у нас такая красавица, — вздохнул мальчик. — Я думал, вдруг она старшему понравится.

— А если они поженятся, тебе английский можно будет не делать?

Чэнь Сяньян щелкнул её по носу:

— Как бы не так, всё равно придется.

Чи Ино тут же потеряла к теме всякий интерес.

Чэнь Сяньян оправил штанину поверх смазанного йодом колена и озабоченно пробормотал:

— Только мне кажется, гэ к ней абсолютно хладнокровен.

Он подпер подбородок кулачками и печально покачал головой:

— Брат Тунтун, ну вот что делать?

«Что делать, что делать... — подумал Тун Хуайцин. — Ваш братец вообще-то ухаживать собрался. На меня». Но вслух ничего не сказал: чужие тайны выдавать нехорошо, да и неизвестно еще, чем всё закончится. Да и подходят ли девчонкам подобные мужики?

Размышляя об этом, он бросил взгляд в сторону кухни, где до сих пор копошился Чи Е. Хотя... если Чи Е по мужчинам, то, насколько Тун Хуайцин помнил, в этой среде физические данные ценятся превыше всего. С такой фигурой Чи Е, наверное, отбоя от кавалеров не знает.

— Пусть всё идет своим чередом, — успокоил он мальчишку. — Твой брат сам во всем разберется.

— Да если б разбирался, не сидел бы бобылем до сих пор!

Чэнь Сянъян подобрался ближе к Тун Хуайцину и с абсолютной серьезностью заявил:

— Мой старший вообще ни с кем ни разу не встречался!

— Неужели? — удивился Тун Хуайцин, приподняв бровь.

— Сначала времени не было, потом — желания, — с горящими глазами зачастил мальчик. — Ему сколько свиданий ни устраивали, он на них даже не ходил. Не шляется где попало, не гуляет. Ну, покуривает иногда, но без фанатизма. А уж трудоголик какой!

Чи Ино уже включила телевизор: личная жизнь брата её волновала куда меньше, чем любовные метания героини в костюмированной дораме. Тун Хуайцин слегка опешил от откровений.

— И вообще, у брата деньги водятся, — шепнул Чэнь Сянъян. — Ты не смотри, что он скромно живет... Он просто бережливый, на ерунду не спускает, зато для нас ничего не жалеет! Брат Тунтун, правда же, отличный мужик?

Помянув добрым словом яичницу в сахарном сиропе и сладкие томаты, Тун Хуайцин с чистой совестью кивнул:

— Угу. Хорошее качество. Нынче такие мужчины на вес золота.

Детям ведь надо поддакивать. Чэнь Сянъян оглянулся на кухню и, убедившись, что там тихо, продолжил с сильным нажимом:

— Ну вот как ему без пары-то? Что делать будем?

«А ничего, — с улыбкой подумал Тун Хуайцин. — Подбодрите братца, и скоро у вас сноха появится. Точнее... ладно». Однако видя искреннюю тревогу в глазах мальчишки, да и просто поддавшись азарту сплетен, он не сдержался и прошептал в ответ:

— Не переживай. Кажется, у твоего брата скоро всё изменится.

Чэнь Сянъян аж рот разинул:

— Правда?! Брат Тунтун, ты что-то заметить успел?

Тун Хуайцин загадочно произнес:

— Интуиция.

Чэнь Сянъян расплылся в довольной ухмылке:

— Вот это да! У старшего весна в душе расцвела!

На экране началась реклама, и Чи Ино тут же обернулась:

— А что значит «весна в душе расцвела»?

Ответить ей никто не успел: из кухни вышел Чи Е с подносом в руках. Он поставил его на стол — батюшки, да там целая горка резных цветов из моркови! Пухлые, ярко-оранжевые, пышные бутоны с махровыми лепестками заполняли блюдо.

Чи Ино с радостным писком подскочила к столу:

— Вау, гэ, какая красота!

Тун Хуайцин тоже обернулся и оценил работу: выглядит и впрямь здорово. Этакий контраст — грубый мужик и изящная резьба по овощам. Тем более Чи Е стоял с явно смущенным видом. «Решил пряником задобрить после кнута?» — решил Тун Хуайцин, подумав, что тот вырезал игрушки, дабы утешить наказанных детей.

Чэнь Сянъян поднес морковный розанчик к лицу Тун Хуайцина:

— Правда у брата руки золотые?

— Очень красиво, — улыбнулся тот. — Специально учился?

Никаких курсов Чи Е, конечно, не оканчивал. Готовить, шить, мастерить — всё это он схватывал на лету, стоило лишь присмотреться. Несмотря на крупную кость и мозоли, пальцы у него были длинными, гибкими и удивительно ловкими. Жизнь научила. Но хвастаться перед

Тун Хуайцином он не собирался.

А сам Тун Хуайцин даже не подозревал, что Чи Е никогда не подкупал провинившихся подарками. Наказал — значит, наказал; осознали вину — проехали, зла он не таил.

Так что этот букет был нарезан вовсе не для детей, а лично для него.

— Забирайте, балуйтесь, — буркнул Чи Е и выкатился во двор перекурить.

Сердце колотилось как бешеное. Еще бы — впервые в жизни дарил кому-то цветы! Наставления доктора Вана всё еще звучали в ушах. Про кино Чи Е даже думать боялся (после прошлых попыток осталась легкая травма), так почему бы не начать с цветов? Представив, как подносит к Тун Хуайцину охапку красных роз, Чи Е мысленно содрогнулся — тот наверняка отвесил бы ему звонкую пощечину. А вот морковные соцветия — в самый раз. Тун Хуайцин явно равнодушен к красивым мелочам, так пусть хоть немного порадуются.

Чи Е прикусил незажженную сигарету и задумчиво уставился в небо. Звездная россыпь куполом нависала над двором, казалось, вот-вот обрушится вниз. Из дома доносился звонкий хохот Чи Ино: девчушка раздобыла где-то свой игрушечный ножик и всю старалась вырезать узор, мечтая утереть нос одноклассникам на завтрашних уроках. Нынче в начальной школе требуют разностороннего развития, да и к поделкам относятся со всей строгостью.

Пошумев какое-то время, из дома выскочил Чэнь Сяньян с искромсанным огрызком моркови в руках и оглушительно захохотал. Вслед ему внесся возмущенный вопль Чи Ино:

— Всё равно у меня вышло лучше, чем у брата Тунтуна!

Чи Е поднялся с места. Тун Хуайцин дурачился вместе с детьми? Тот самый Тун Хуайцин, который берег пальцы как зеницу ока и боялся притронуться к горячей посуде? Заглянув в комнату, Чи Е обомлел: юноша действительно с усердием наклонился над столом, не сводя глаз с моркови.

В левой руке он сжимал кусок оранжевого корня, а правой, вооружившись детским пластиковым ножичком, пытался над лепестками. То ли сил не хватало, то ли он просто подыгрывал малышне, но результат напоминал розу меньше всего на свете. Вышла какая-то редкая кракозябра. Чи Е молча наблюдал со стороны.

Детский азарт улетучился мгновенно, и Чи Ино снова уткнулась в экран, тыча пальцем в волшебницу в нарядном уборе:

— Ге-е, я тоже такую фату хочу!

— Давай я тебе нарисую, — с улыбкой предложил Чэнь Сяньян.

— Настоящую хочу, чтоб на голову надеть!

Пока ребяташки спорили, Чи Е бесшумно подсел к Тун Хуайцину и вполголоса стал объяснять, под каким углом держать нож и куда прикладывать усилие.

Тун Хуайцин, действовавший из чистого любопытства, поднял голову:

— Да ну, сложно слишком... Ой!

Огрызок моркови отскочил в сторону, пластиковый нож со звоном упал на пол. Тун Хуайцин схватился за левую ладонь и резко втянул воздух от боли.

У Чи Е перехватило дыхание. В мгновение ока он вцепился в руку юноши и насильно раскрыл его ладонь:

— Где порезался?!

Небольшая ладонь оказалась белой, нежной и совершенно нетронутой — лишь пару оранжевых крошек прилипло к коже. Прохладные пальцы.

Тун Хуайцин беззаботно расхохотался:

— Попался! Я же пошутил! Это же пластик, им даже при желании не порежешься.

Он попытался выскользнуть из захвата, но Чи Е держал мертвой хваткой. Тун Хуайцин удивленно вскинул взгляд:

— Чи Е?

Чи Е молчал, крепко сжав губы. Тун Хуайцин похлопал ресницами:

— Ты чего? Чего не смеешься?

Почувствовав, как жесткие мозоли на пальцах Чи Е поджимают его ладонь, юноша смущенно качнул пальцами:

— Ну извини, разыграл немного... Ты что, рассердился?

Да не может быть, обычная же шутка!

Чи Е наконец выпустил его руку. Шлейф легкого табачного дыма отступил вместе с ним. Выдохнув, Чи Е тихим голосом произнес:

— Я не сержусь.

— Э?

— Я рад, — он тепло улыбнулся. — Рад, что ты цел.

Телевизор громко гремел на заднем плане, а они говорили совсем тихо. Тун Хуайцин мимоходом оглянулся — дети, затаив дыхание, следили за сюжетом и ни разу не повернули голов. Впрочем, какая разница, смотрят они или нет? Сердце Тун Хуайцина внезапно забилося чаще от неясной тревоги. Затеплилось смутное, неловкое чувство, заставляющее сдерживать дыхание и понижать голос, лишь бы никто не услышал их разговор.

Чтобы скрыть смущение, он поспешно поднялся:

— Кажется, этот сериал сейчас из каждого утюга крутят...

— Угу, — отозвался Чи Е.

— Пойду тоже гляну, за компанию с Яньянем.

Чэнь Сяньян, не отрываясь от экрана, лишь махнул рукой:

— Брат Тунтун, скорее! Сейчас пустят в ход Иглы шторма грушевого цвета! Это же самое смертоносное оружие!

Тун Хуайцин молча примостился рядом с мальчиком. Включившись посередине серии, он абсолютно ничего не понимал в сюжете. На душе было беспокойно и муторно, а мысли путались. Повернув голову, он заметил, что Чи Е незаметно исчез во дворе. Гортань сжалась. Тун Хуайцин сглотнул и шепотом спросил у Чэнь Сяньяна:

— Твой старший... и впрямь ни с кем не встречался?

Мальчишка, добравшись до самого напряженного момента, вместе с Чи Ино вцепился в диванные подушки и, вытаращив глаза, даже боясь вздохнуть, не попад кивнул.

— Понятно... — в смятении пробормотал себе под нос Тун Хуайцин. — На наивную шутку сразу верить... И как такой чурбан собрался ухаживать, если двух слов связно сказать не может? Скука смертная.

Ну и ладно. В конце концов, этот дурачок только-только прозрел и о помощи не просил. Пусть сам учится, на своих ошибках.

<http://bllate.org/book/19966/1985908>